

Письма М. А. Дмитриева к Чаадаеву

Памятники философской мысли

П. Я. Чаадаев. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2

Письма П. Я. Чаадаева и комментарии к ним. Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву. Архивные документы. Именной указатель к 1 и 2 томам.

М., "Наука", 1991

Новые переводы с французского Д. И. Шаховского, Л. З. Каменской, В. В. Сапова

Составление и комментарии С. Г. Блинова, Л. З. Каменской, З. А. Каменского, М. П. Лепехина, В. В. Сапова, М. И. Чемерисской

Ответственный редактор доктор философских наук З. А. Каменский

OCR Бычков М. Н.

30 августа, 1847. Суббота.

Благодарю вас, почтеннейший Петр Яковлевич, за ваше внимание к моему беглому замечанию. Я теперь перечитал письмо ваше не однажды. Вот фраза, которая вчера остановила и меня и Погодина: [что наше прошедшее не настолько лишено мысли, как это утверждают, и что наша история по праву займет свое место в общей истории цивилизованных народов] ¹. Мне хотелось бы, чтобы русский казался даже и не подозревающим той мысли в иностранце, что будто наше прошедшее не имеет в себе мысли. Мне показалось это, во-первых, почти лишним, потому что иностранцы, мало занимающиеся нашей историей, едва ли делают нам подобный упрек, во-вторых, это было бы не вполне справедливо: во все свои эпохи наша история представляет какую-либо *одну* мысль, на которую нанизываются все происшествия, и именно *ту*, которая в эту эпоху нужнее. Вот эти мысли: сперва родового единства, потом освобождения, потом целостности государства, потом силы политической; и эта мысль, составляющая непрерывную нить в нашей истории, есть *одна и та же*, заключающаяся в слове: *Россия*, потому уже, что она для нее одной, для ее только истории прилична, а не для всякого другого государства. Были эпохи, в которые во многих государствах Европы господствовала одна общая мысль: это оттого только, что в те эпохи их интерес был общий, их история имела сходство; *но не наоборот!* - Таковы были, например, крестовые походы. Я думаю, что не они начались от мысли, а напротив, при первом воззвании, если мысль об них пробежала как электрическая искра, то потому, что пришлась кстати; а пришлась она вовремя потому, что народам худо было дома и что все нудило к переменам. - Наша история шла путем особым; и потому в ней мысль *своя*, но единая и целая. Даже и теперь, когда мы, стоя близко к происшествиям и ко всему, что творится на святой Руси, видим только части и не можем обнять целого. Мы не можем, однако, отрицать, чтобы во всем этом не было мысли, истекающей прямо из истории. Даже вчерашний разговор наш и те мысли, которые мы обнаруживали с такою скромностию, они *не наши*: они лежат в теперешней нашей истории, из которой непременно их выведет будущий историк, указав на факты.

Теперь два слова о другой части вашей фразы: [что наша история по праву займет свое место в общей истории цивилизованных народов]. Мне хотелось бы, чтобы русский представлялся стоящим твердою ногою между просвещенными народами; чтобы он показывал им, что стоит между ними на своем месте, чтобы он не добивался этого, как особой чести, чтобы он казался, наконец, и неподозревающим того, чтобы иностранцы могли оспаривать это место и у него и у его истории: этого требует и народное достоинство и справедливость.

Вот мои мысли, почтеннейший Петр Яковлевич! Я могу ошибаться, как и другой, но я думаю, что прекрасное письмо ваше не потеряло бы ничего, если бы вы несколько изменили это место. Извините мою откровенность; вы сами желали ее, и она порука за то уважение, с которым всегда буду искренне вам преданным.

Мих. Дмитриев.

P. S. По желанию вашему я посылаю письмо ваше к Погодину: он находит, что России рекомендоваться должно смелее.

Мне жаль расстаться с другим письмом вашим; но повинуюсь, и посылаю. Не можете ли сделать